

Нестареющий талант

Вет. Ленинград, -1987, Маг

Трудно поверить, что он родился за год до создания Московского Художественного театра, за три года до наступления двадцатого века, но это так. Константину Игнатьевичу Адашевскому, народному артисту СССР, лауреату Государственных премий СССР и РСФСР, актеру прославленной Александринки — 90 лет. Сколько раз ему приходилось становиться другим человеком, проживать заново жизнь своего персонажа, рассказывать зрителям о судьбе героя, которого он играл...

— Константин Игнатьевич, а все же можно точно сосчитать — сколько было ролей?

Около 150, а если приплюсовать те спектакли, которые мы — молодежь Академического театра драмы — играли во время отпуска, во время летних турне, то много больше.

Ваше первое театральное впечатление?

— Утренник в Александринке. Мне десять лет. Спектакль из петровской эпохи. Много потом было интересного, но зрительские ощущения стали затмеваться именно с этого момента.

— Когда же сошло решение стать артистом?

— Однажды, когда мне было лет 12—13, родители взяли меня в гости. На вечер в гостях пел бас из Марининского театра Иван Филиппович Филиппов. Не только пел, но и балагурил, рассказывал разного рода байки. Был душою общества. Он меня покориł совершенно. На следующее утро, когда я проснулся, первое, что сказал родителям: «Я буду артистом».

— Между этими словами и осуществлением мечты прошло...

— Лет пятнадцать, в которые вместились и первая империалистическая, и революция, и гражданская война. После демобилизации из Красной Армии я поступил в частную театральную школу Евтихия Карпова, одного из самых опытных режиссеров Академического театра драмы. В

1923 году Карпов рекомендовал меня в Школу русской драмы — своеобразную студию при прославленном театре. В 1925 году после диплома спектакля меня пригласил в труппу театра тогдашний его глава Юрий Михайлович Юрьев. С тех пор никогда не расставался с родным и любимым театром.

— Вы помните свой первый выход на сцену театра?

— Как таковой — нет, потому что, еще учась в студии, мы часто выходили в массовках. Потом режиссер Николай Петров организовал своеобразную «молодую труппу», которая выступала со спектаклями на маленьких площадках клубов со своим репертуаром. И здесь я получил в «Ревизоре» роль Ляпкина-Тяпкина, еще ряд интересных персонажей удалось сыграть. Нас заметил Корчагина-Александровская, Мичурин-Самойлова.

— На вашем творческом пути встречалось немало режиссеров. Кто из них был наиболее для вас значимым и как человек, и как режиссер?

— Без сомнения, это Владимир Платонович Кожич, самый глубокий и самый умный в отношении актеров режиссер. Помню, когда мы репетировали «Живой труп» Льва Толсто-

го, у нас не получалась четвертая картина, где должно царить веселье. Мы долго топтались на месте, пока не призвали на помощь Кожича (до этого работали с его помощником). Посмотрев на наши потуги, Кожич сказал: «Представьте, что у вас всех сейчас «адмиральский час». Вечером вы едете всей компанией к цыганам. У вас такое настроение, что палец покажи — будете смеяться. Давайте пройдемся еще раз». Мы «прошлись», и сцена получилась, стала легкой, с настроением.

— А если роль не получается, как вы «боретесь» с ней?

— Каких-либо особых рецептов у меня нет. Только один путь: думать, вникать и работать. Мне не раз приходилось доказывать свое право на то, чтобы сыграть роли, которые, по мнению режиссеров, не были моими. Так вышло с ролью дьякона в инсценировке чеховской «Дуэли», с Бальзаминовым.

— Есть ли у вас мечта?

— Конечно, преодолеть болезнью и еще немножечко поиграть на сцене. Поиграть от всей души. Мне так этого хочется...

С. ИЛЬЧЕНКО

Фото А. МЕДВЕДНИКОВА